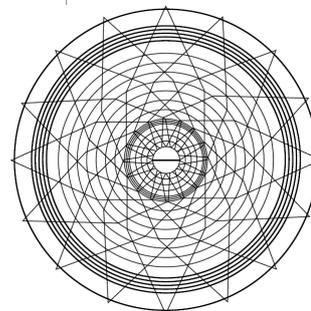

[Научные статьи]

Хруль В. М.

*«Постправда» в глобальном контексте:
популярность, эвристическая ценность
и онтологическая сущность*

«ПОСТПРАВДА» В ГЛОБАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ: ПОПУЛЯРНОСТЬ, ЭВРИСТИЧЕСКАЯ ЦЕННОСТЬ И ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ

Хруль В. М.

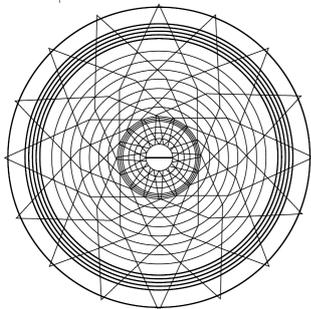
доктор философских наук, профессор
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»
(Москва, Россия)
victor.khroul@gmail.com

Аннотация:

Эвристическая ценность каждого нового термина, вводимого в научный оборот, в значительной степени предопределяет его дальнейшую судьбу в академическом дискурсе. Автор предлагает подвергнуть внимательному критическому анализу корректность и эвристическую ценность термина «постправда». По мнению автора, в этом термине содержится ошибка — не только логическая, но и онтологическая, которая странным образом остается неисправленной. Слово «постправда» обозначает принципиально важную сущностную подмену: правда в нем лишается абсолютного статуса и помещается в один ряд с вещами временными, конечными, конвенциональными. Постправда изоморфна посткоммунизму, посттоталитаризму, постмодернизму, постсекуляризму и др. Релятивизация правды, размывание границ между истиной и ложью таким образом позиционируются как нормальный исторический процесс: была одна правда, да кончилась, а теперь правд много, они разные. Согласие с этим тезисом, по мнению автора, может повлечь за собой негативные последствия как для самой журналистской деятельности, так и для ее научного изучения.

Ключевые слова: постправда, правда, журналистика, медиаисследования, терминологическая корректность

Эвристическая ценность каждого нового термина, вводимого в научный оборот, — вне зависимости от его популярности — в значительной степени предопределяет его дальнейшую судьбу в академическом дискурсе. Поэтому критический анализ новой терминологии — крайне важная задача научного диалога. В рамках данной работы мы попытаемся рассмотреть историю и масштабы использования слова «постправда» в крупных медиа, а также критически проанализировать его употребление в академических публикациях в России и за

[Научные статьи]

Хруль В. М.

*«Постправда» в глобальном контексте:
популярность, эвристическая ценность
и онтологическая сущность*

рубежом, обращая особое внимание на два вопроса: какую эвристическую ценность представляет этот термин и какова его онтологическая сущность.

В контексте изучения картины мира в глобальном информационном онлайн-пространстве реализуется ряд академических проектов, сфокусированных на рассмотрении динамики этого феномена под разными углами зрения. В частности, большой интерес вызывает попытка осмыслить изменчивость картины мира под влиянием пандемии коронавируса на основе мультилингвистического подхода (Bystritskiy, 2020–2021; Шариков, 2021). Как справедливо отмечает А. В. Шариков, «глобальное информационное онлайн-пространство представляет собой сложное образование, в котором информация представлена на большом количестве языков» (Шариков, 2021, с. 452). И на эти же языки стремительно переводятся сенсационные сообщения и яркие термины, которые, как кажется, позволяют по-новому интерпретировать события, явления и процессы, предлагая инновационный язык их описания.

Подобный «медиавсплеск», или даже, судя по его длительности, «медиашторм» (Шариков, 2021, с. 453) связан с термином “post-truth” («постправда»), аналитическому рассмотрению которого посвящена данная статья. В целом медиавсплеск постправды (в дальнейшем этот термин будет употребляться без кавычек) связан с затруднительностью процедур различения правды и лжи, о чем недавно справедливо писал А. Г. Быстрицкий: «Мы говорим о фальшивых новостях, информационной путанице и когнитивном диссонансе, который испытывает большая часть населения из-за неспособности отличить правду от лжи» (Bystritskiy, 2020–2021, сс. 132–133).

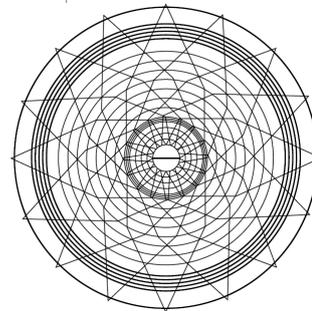
Постправда (в качестве и научного термина, и яркой метафоры журналистского дискурса) воспринимается в последние годы как аксиома, данность, общее место и даже как трюизм, не подлежащий сомнению и критическому анализу. К сожалению, широта его употребления в публикациях не подкреплена аргументами в пользу его особой эвристической ценности.

Постправдой стали называть такое положение дел, когда скучной правде предпочитают эффектную ложь: «Все эти и многие другие явления указывают на новую политическую эпоху или парадигму: мы сталкиваемся с обществом постправды или эрой постфактов, когда Истина и Разум вытесняются альтернативными фактами и индивидуальными внутренними чувствами» (Farkas & Schou, 2019, с. 2). Сегодня постправда описывает эпоху развития массовых коммуникаций, когда истина становится не принципиально важной. Постправда представляет собой информационный поток, который намеренно конструируется в современном обществе с помощью СМИ и других каналов для создания

[Научные статьи]

Хруль В. М.

*«Постправда» в глобальном контексте:
популярность, эвристическая ценность
и онтологическая сущность*

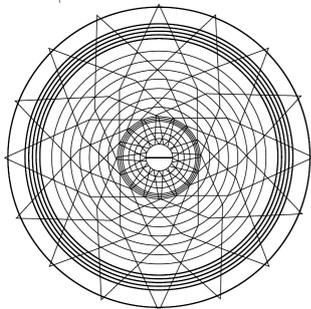

виртуальной, отличной от действительности реальности (Хомский, 2015; Чугров, 2017; Kachkaeva et al, 2020).

При чтении материалов о постправде возникает ощущение, что политологи, социологи и публицисты наперегонки состязаются в употреблении модного конструкта. Однако, если остановиться и неторопливо оглянуться, следует признать, что к этому термину есть вопросы. Действительно ли произошел глобальный тектонический слом в отношении к правде и к основам журналистики? Действительно ли мы, как утверждают авторы ряда академических работ и публицистических статей, живем в «эпоху постфактов» и в «обществе постправды», где истина и причинно-следственные связи подменены индивидуальными чувствами и симпатиями? Действительно ли эти процессы носят исторически детерминированный и необратимый характер?

На первый взгляд, симптомы релятивизации и девальвации правды заметны невооруженным глазом: аудитория стала меньше доверять научным доказательствам, предпочитая конспирологические интерпретации (например, об изменении климата), строгие медицинские диагнозы проигрывают в популярности рецептам из интернета, а качественная журналистика, основанная на проверке фактов, тонет в потоке дезинформации, производимой «новостными фермами», «фабриками троллей» и ловко орудующими в сети ботами. Миры постправды принято рассматривать как дискурсивные образования, созданные, распространенные и преобладающие в информационном пространстве. Их внутренняя логика и скрытые нормативные предпосылки основаны на релятивизации правды и фактически противоречат классическим представлениям о журналистике. Эта новая «неевклидова геометрия» имеет под собой аксиоматику, которая, несмотря на статистическую значимость (как мы постараемся показать далее), онтологически сомнительна. Из того, что публичная сфера сталкивается с глубоким «кризисом фактов» (Davies, 2009), не следует необходимость безоговорочно и некритично принять теорию постправды как неоспоримую данность.

По сути, представление об эре постправды (post-truth era) содержит в себе скрытую ностальгию по эре правды. Сама идея эпохи постправды также не в состоянии отрицать, что информационный порядок по умолчанию основан на представлении о сущностной абсолютности правды. Даже на мгновение нельзя себе представить, например, что в двоичной системе «0» и «1» поменяли значения на противоположные: релятивизация математики и информатики ведет к хаосу неопределенности. И в этом смысле мир фактов также «двоичен», однозначен. Разумеется, этого нельзя сказать о мире интерпретаций, однако журналистика

[Научные статьи]

Хруль В. М.

«Постправда» в глобальном контексте:
популярность, эвристическая ценность
и онтологическая сущность

строится прежде всего на фактах, а интерпретации — прерогатива не только журналистов и экспертов, но и самой аудитории. И следовательно, предположение о том, что возможность разных интерпретаций преимущественно эмоционального свойства доказывает относительность правды как таковой, представляется сомнительным.

Тем не менее крупные средства массовой информации в Европе и США осуждают новую эпоху дезинформации, публикуя множество заметок, статей и комментариев, посвященных «эпохе постправды». Нет недостатка в комментаторах и интеллектуалах, осуждающих натиск фальшивых новостей и постправды и публикующих книги с броскими названиями: *“Post-Truth: How Bullshit Conquered the World”* (Ball, 2017); *“Post-Truth: Why We Have Reached Peak Bullshit and What We Can Do About It”* (Davis, 2017); *“Post-Truth: The New War on Truth and How to Fight Back”* (d’Ancona, 2017); *“The Death of Truth: Notes on Falsehood in the Age of Trump”* (Kakutani, 2018).

В академической среде также наблюдается рост аналитической рефлексии по поводу неконтролируемого и некритично воспринимаемого аудиторией потока лжи. Исследователи охотно помещают на титульные листы своих работ слово *post-truth*, вводя его в научный оборот в качестве термина, который имеет эвристическую и интерпретационную ценность, однако они не подвергают при этом постправду тщательному терминологическому анализу: *“Post-Truth”* (McIntyre, 2018); *“Post-Truth: Knowledge as a Power Game”* (Fuller, 2018); *“Everything is Permitted, Restrictions Still Apply: A Psychoanalytic Perspective on Social Dislocation, Narcissism, and Post Truth”* (Thurston, 2018); *“Fake News: Falsehood, Fabrication and Fantasy in Journalism”* (McNair, 2018); *“Post-Truth, Fake News and Democracy: Mapping the Politics of Falsehood”* (Farkas & Schou, 2019) и т. д.

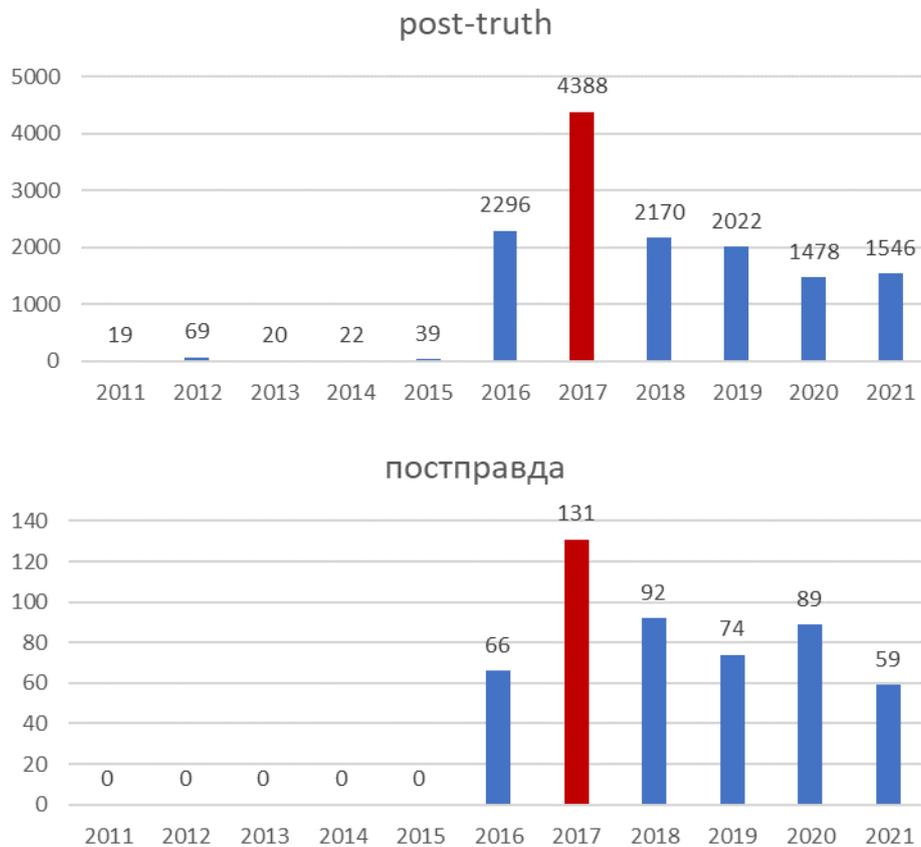
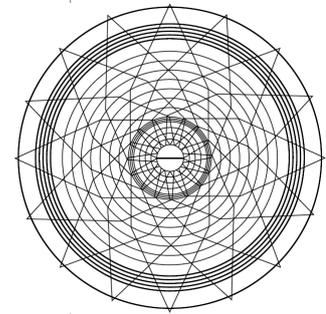
К сожалению, некритическое заимствование привело этот термин и в русскоязычный академический обиход. В частности, следует упомянуть книгу экономиста Андрея Мовчана «Россия в эпоху постправды. Здравый смысл против информационного шума» (Мовчан, 2020а) и сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием «Политика постправды и популизм в современном мире», которая прошла в 2017 году в Санкт-Петербурге и была посвящена главным образом популизму в политике, однако термин постправда удостоился места в названии книги (Попова, 2017).

Что касается журналистских текстов, то очевидным подтверждением медиавсплеска постправды являются приведенные диаграммы частотности употребления этого слова на английском и русском языках в мировых и российских медиа (Рисунок 1).

[Научные статьи]

Хруль В. М.

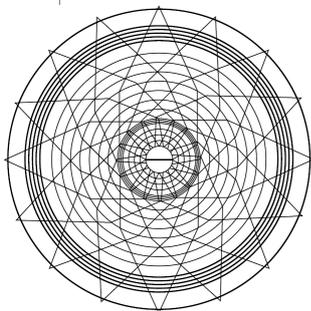
«Постправда» в глобальном контексте:
популярность, эвристическая ценность
и онтологическая сущность

Рисунок 1. Частотность употребления слова «постправда» в российских и слова post-truth в англоязычных мировых СМИ

Любопытно отметить, что распределение употребления слова «постправда» очень похоже на распределение употребления слова post-truth, что свидетельствует о тесной связи и даже о возможной зависимости русскоязычных ресурсов от англоязычных как главных поставщиков мировых новостей (и тогда изоморфность диаграмм можно объяснить переводами текстов с английского на ресурсы типа Inosmi.ru).

Что касается собственно источников, где употребляются термины (Таблица 1, 2), в обоих случаях лидируют наиболее авторитетные СМИ. Однако если в англоязычном рейтинге пресса опережает новостные телеканалы и информационные агентства (Times, Guardian и New York Times находятся выше CNN), то в русскоязычном сегменте РИА «Новости» и ИА Regnum опережают «Коммерсантъ» и «Независимую газету». И это наблюдение также может служить подтверждением некритического заимствования слова post-truth в русскоязычном информационном дискурсе из зарубежных источников.

[Научные статьи]

Хруль В. М.

«Постправда» в глобальном контексте:
популярность, эвристическая ценность
и онтологическая сущность

Таблица 1. Основные источники среди англоязычных СМИ,
в которых часто употребляется слово *post-truth*

Источник	Число материалов
CE NoticiasFinancieras (Latin America)	1224
The Times (U.K.)	664
The Guardian	464
The New York Times	390
The Independent	366
Financial Times	334
U-Wire (University Wire) (U.S.)	243
The Australian	242
Washington Post	237
The Telegraph (U.K.)	229
The Conversation (Australia)	197
ForeignAffairs.co.nz	189
CNN	170
Postmedia Breaking News (Canada)	147
Daily Mail	133
The Telegraph (India)	122
Times of India	122
Toronto Star	110
NewsRx Medical Newsletters	107
Hindustan Times	106

Таблица 2. Основные источники среди русскоязычных СМИ,
в которых часто употребляется слово «постправда»

Источник	Число материалов
РИА Новости	29
ИА REGNUM	25
Коммерсант	25
Независимая газета	19
АиФ онлайн: федеральные новости	18
Зеркало недели	17
Аналитический бюллетень Белорусская неделя	16
ИТАР-ТАСС	16
Ведомости	16
Российская газета	15
Накануне.ru	11
SB.BY Беларусь сегодня	10

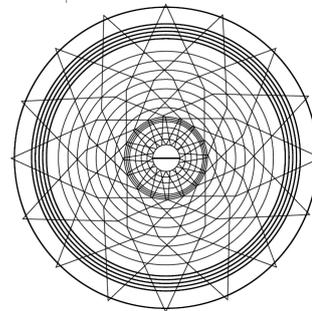
Генезис термина и его современная интерпретация

Неологизм «постправда» впервые употребил в 1992 году американец сербского происхождения Стив Тесич в своей публицистической работе о войне США в Персидском заливе (Tesich, 1992/2014).

[Научные статьи]

Хруль В. М.

«Постправда» в глобальном контексте:
популярность, эвристическая ценность
и онтологическая сущность

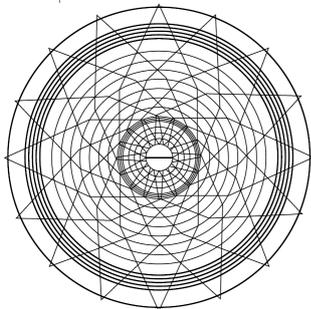

Первой научной попыткой осмысления нового понятия стала статья в Оксфордском словаре 1996 года переиздания. Слово постправда было включено в толковый словарь английского языка как «нечто, обозначающее такие обстоятельства, когда объективность фактов не влияет на формирование общественного мнения, потому что подменяется взыванием к эмоциям и личным убеждениям». Далее этот термин был популяризирован в книге Ральфа Кейеса “*The Post-Truth Era: Dishonesty and Deception in Contemporary Life*” (Keyes, 2004). По мнению Кейеса, общество вступает в эру постправды, когда ложь начинает доминировать в повседневной и политической жизни. Он пишет также о так называемом техническом обмане, позволяющем лгать без последствий в результате анонимности в интернете.

С тех пор при помощи термина постправда стали описывать коммуникационную ситуацию, когда истина перестает быть принципиально важной. Постправдой стали именовать информационный поток, который намеренно конструируется в современном обществе с помощью СМИ и других каналов для создания виртуальной реальности с целью манипулирования общественным сознанием (Ильченко, 2019). В эпоху постправды объективные факты менее важны для формирования общественного мнения, чем обращение к эмоциям и личным убеждениям, то есть люди верят в то, во что хотят верить, и охотнее пребывают в плену своих стереотипов и предвзятостей вместо того, чтобы доверять цифрам и конкретным данным.

Таким образом, информации становится больше, однако проверяют ее все реже. Информация перестает быть ценной сама по себе — куда важнее внимание, которое на нее направлено, и эмоциональный контекст. По мнению Фаркаса и Шоу, мир вступает в эру постправды во многом из-за широкого распространения социальных сетей и интернет-платформ, где люди получают зачастую намеренно искаженную информацию о происходящих в мире событиях, поскольку раздробленность источников новостей создает ситуацию, когда ложь, сплетни и слухи в интернете способны очень быстро подменять собою правду (Farkas & Schou, 2019). Рациональное начало больше не преобладает в анализе и оценке сведений, усиливается роль эмоций в восприятии не только информации, но и самой реальности. Факты, доказательства, данные как объективное отражение события уравниваются с мнениями, отзывами и слухами, а мерилom истины становятся человек с его личным восприятием и «информационный пузырь».

Мир сталкивается сегодня с глубоким кризисом дезинформации: ложная и непроверенная информация распространяется как вирус, создавая проблемы для общества, прежде всего вследствие девальвации доверия к факту. Иными

[Научные статьи]

Хруль В. М.

*«Постправда» в глобальном контексте:
популярность, эвристическая ценность
и онтологическая сущность*

словами, привычная апелляция к разуму сограждан становится все менее эффективной.

Свобода слова в современном обществе обеспечивается во многом благодаря беспрецедентному скачку в развитии медиа. Но именно современные медиа, в свою очередь, и создают предпосылки для кризиса этой свободы, ибо становятся почвой для распространения лжи.

Многие связывают причину наступления эпохи постправды именно с фейковыми новостями. Существование лжи в социальной жизни и средствах массовой информации не новое явление, но на наших глазах происходит обострение ситуации, ибо теперь информация может распространяться с такими скоростью и охватом, каких раньше никогда не было. Еще один важный фактор — это кризис журналистики. Стремительное увеличение количества фейковых новостей, то есть лжи, объясняются снижением роли журналистики в обществе, упадком профессиональных стандартов. При всех своих недостатках журналистика была и остается системообразующим социальным институтом, и ее упадок пагубно отражается на обществе.

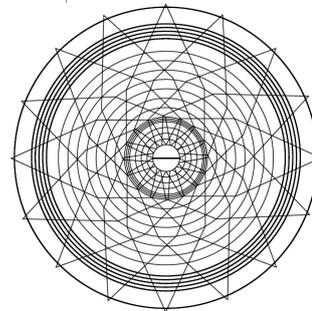
Вместе с кризисом традиционных СМИ произошло снижение доверия к журналистской деятельности и журналистике в целом. Упадок доверия к СМИ автоматически ведет к неосведомленности аудитории, люди становятся более уязвимыми для экстремистских сообщений и лживых новостей. «Самое главное в функциональном обществе — это хорошо информированная публика. То, что мы имеем сейчас, это не только неинформированные, но и дезинформированные массы», отмечают Фаркас и Шоу (Farkas & Schou, 2019, с. 60). Нынешний медиаландшафт делает невозможным адекватный выбор источников из-за их огромного количества, что создает информационную или дезинформационную перегрузку. Поэтому, по мнению Фаркаса и Шоу, качественная журналистика находится под угрозой со стороны фейковых новостей и ботов, а «традиционные стражи правды — редакторы и журналисты — утратили монополию на правду» (Farkas & Schou, 2019, с. 60).

При этом число влиятельных субъектов, заинтересованных в постправде, во все времена было велико. Это и политики, ищущие популярности и голосов; и продавцы товаров и услуг, жаждущие продать больше и дороже; СМИ в погоне за тиражами; журналисты в стремлении сделать карьеру или прославиться; блогеры в борьбе за подписчиков и рекламодателей; чиновники, чтобы доказать лояльность или украсть; оппозиционеры, чтобы настроить общество в свою пользу; иностранные разведки, чтобы ослабить государство; собственные силовики, чтобы усилить государство, и т. д. (Мовчан, 2020b).

[Научные статьи]

Хруль В. М.

*«Постправда» в глобальном контексте:
популярность, эвристическая ценность
и онтологическая сущность*

С. В. Чугров концептуализировал понятие постправды как «особую квазиреальную среду», «постмодернистскую девиацию, деформированное и стереотипизированное состояние сознания, в котором стереотипы уже оторвались от реальных образов». Как отмечает исследователь, «постправда — это некий контекст, модальность, ситуация, которые делают возможным распространение ложных новостей, причем не предполагающих за это ответных санкций. В таком модальном (релятивистском) контексте не имеет значения правдива ли новость или фальшива. Важно, чтобы она отвечала двум характеристикам: эмоциональному настрою потребителя информации и политическим целям коммуникатора» (Чугров, 2017, с. 46). Дискурс постправды определяется как дискурс, в котором «правдоподобность» (“truthiness”) важнее правды (Lakoff, 2017, с. 596).

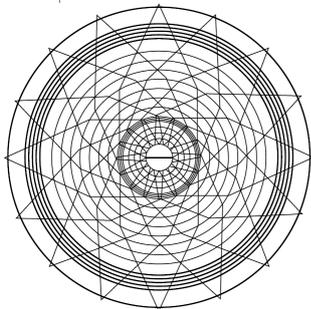
Действительно, аудитория сильно привязана эмоционально к своим глубоко укоренившимся убеждениям. У этого явления есть обоснованная причина: такие убеждения могли усвоиться психикой еще в период воспитания ребенка родителями, а также из-за других людей, оказывающих влияние на становление личности: учителей, религиозных и культурных лидеров, коллег. На протяжении всего периода становления личности все то, что было сформировано на основе жизненного опыта, должно было обеспечивать систематическое подкрепление усвоенных когнитивных установок, включая политические предпочтения, этические и моральные стандарты, а также картину мира в целом.

Постправда меняла источники и формы, но существовала и, возможно, доминировала во все времена: мы с легкостью можем обнаружить постправду в нынешнем ее понимании и в Древнем мире, и в Средневековье, и даже в эпоху Просвещения, и уж тем более в Новое и Новейшее время. Всегда — от риторических приемов софистов до современного пропагандистского дискурса — была в цене информация, которая резонирует с эмоциональными ожиданиями аудитории и соответствует политическим целям коммуникатора.

Возникает закономерный вопрос: а так ли нужен новый термин, если он описывает реальность, существовавшую и ранее? В чем его эвристическая ценность? Дает ли все вышеизложенное постправде пропуск в научный дискурс? Достаточно ли обосновано введение в научный оборот этого термина? С нашей точки зрения — нет, и мы попытаемся это доказать ниже.

Попытка терминологического аудита

Даже мягкий терминологический «аудит» постправды обнажает в этом слове логическую, филологическую и даже онтологическую ошибку, которая странным

[Научные статьи]

Хруль В. М.

«Постправда» в глобальном контексте:
популярность, эвристическая ценность
и онтологическая сущность

образом остается неартикулированной ни в академических публикациях, ни тем более в журналистских текстах.

На наш взгляд, вирусное распространение слова «постправда» может повлечь за собой существенные последствия для современной журналистики, поставив под сомнение онтологическую сущность этой профессии. Ее очень точно и ясно выразил Ник Дэвис, опытный и бескомпромиссный британский журналист, автор популярной книги *“Flat Earth News”*: «Главная цель журналиста — постараться рассказать аудитории правду о важных вещах» (Davies, 2009, с. 21). Правда — основная категория этого определения, и если она перестает восприниматься всерьез, если трактуется релятивистски, то сама профессия журналиста в своей сути теряет основу.

Обратимся к значению приставки «пост-». «Толковый словарь русского языка» определяет ее следующим образом: «ПОСТ..., приставка. Образует прилагательные и существительные со знач. наступления, следования после чего-н., вслед за чем-н., напр. постинфекционный, пострадиационный, постэмбриональный, постпозиция, постимпрессионизм» (Ожегов и Шведова, 1997, с. 567). Идентичное значение этой словообразовательной морфемы дает «Словарь иностранных слов»: «Приставка, имеющая значение после, вслед за, напр.: постимпрессионизм, постпозиция» (Захаренко и др., 2008, с. 731).

Таким образом, даже самая поверхностная попытка деконструкции термина постправда обнажает принципиально важную сущностную подмену: правда с приставкой «пост» лишается абсолютного статуса и помещается в один ряд с вещами временными, конечными, релятивными, конвенциональными. Приставка «пост» корректно, адекватно употребляется в таких словах, как посткоммунизм, посттоталитаризм, постмодернизм, постсекуляризм. Но невозможно назвать ее корректной в слове постправда. Слова коммунизм, тоталитаризм, модернизм, секуляризм имеют очевидный темпоральный (временной) аспект, который неприменим к правде.

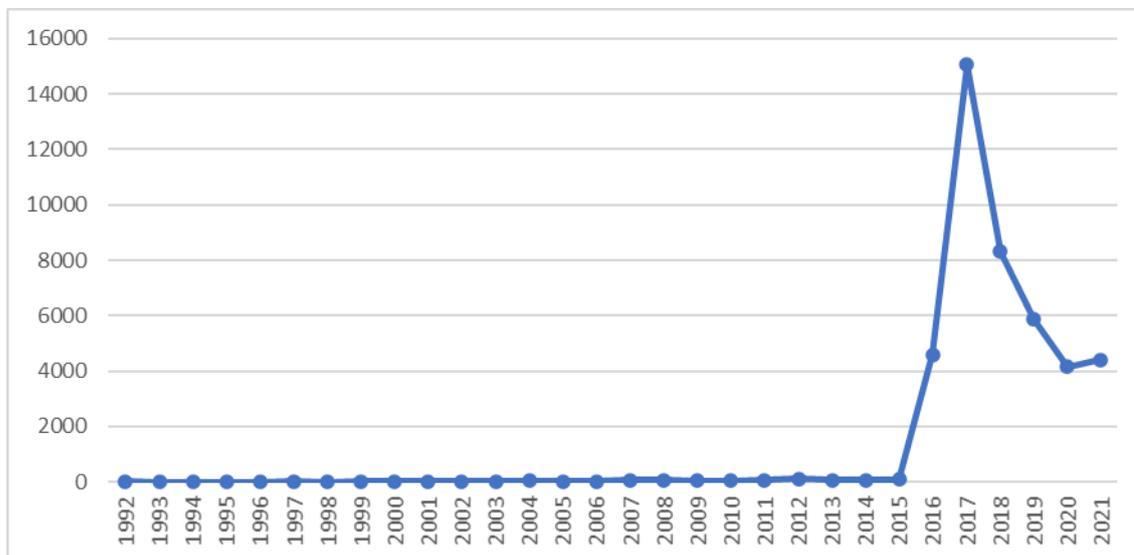
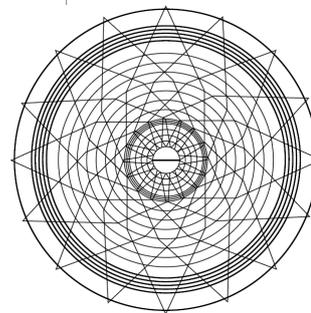
И это, на наш взгляд, не столько логическая, сколько филологическая и даже онтологическая ошибка. Вследствие этой ошибки приставка «пост» означает не просто «после» (after), но и «за» (beyond) в том смысле, что истина больше не актуальна. Релятивизация правды, размывание границ между истиной и ложью таким образом позиционируются как нормальный исторический процесс: была одна правда, она кончилась, а теперь их много и все разные...

Причем анализ употребления слова постправда в глобальном контексте подтверждает масштабы «очарования» этим конструктом.

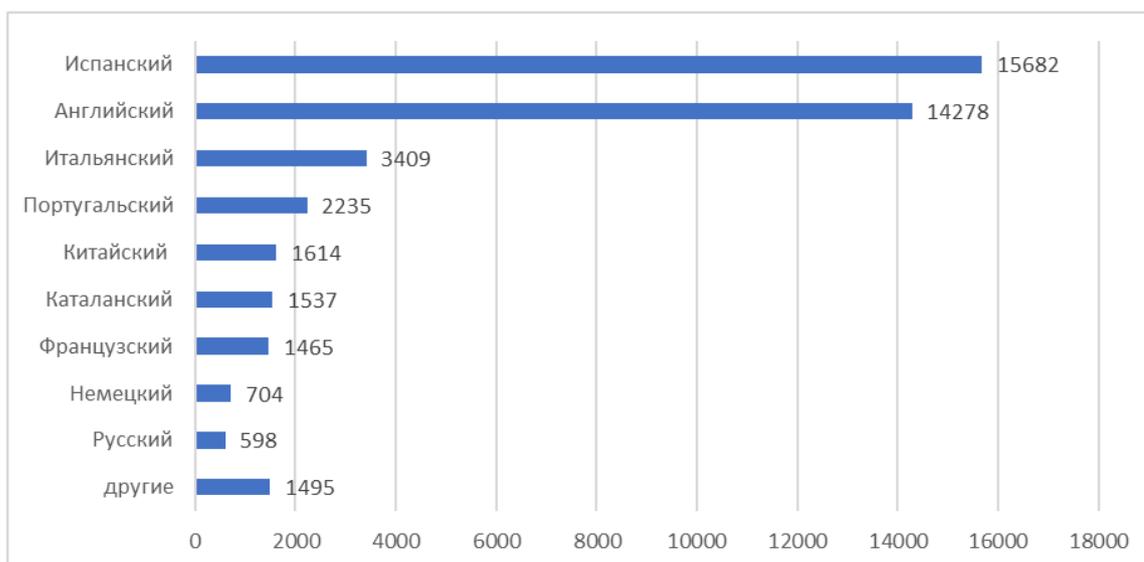
[Научные статьи]

Хруль В. М.

*«Постправда» в глобальном контексте:
популярность, эвристическая ценность
и онтологическая сущность*

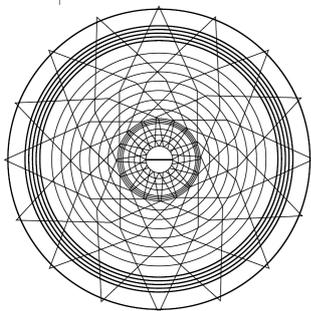
Рисунок 2. Динамика употребления слова «постправда» в 27 языках мира

Рисунок 4. Распределение употребления слова «постправда» по языкам

Как видно на Рисунке 2, резкий медиавсплеск употребления слова приходится на период с 2016 по 2018 годы (Brexit в Великобритании и выборы Трампа в США), но и после преодоления пика использование этого термина не вернулось к уровню 2014 года, то есть узус постправды расширился и снова показывает тенденцию к росту.

Что касается языков употребления, то уверенно лидируют испанский и английский языки, причем к настоящему моменту испанский (36,5%) уже опережает английский (33,2%). Французский (3,4%) и немецкий (1,6%) языки уступают португальскому (5,2%) и китайскому (3,8%), а русский занимает 1,4% от общего

[Научные статьи]

Хруль В. М.

*«Постправда» в глобальном контексте:
популярность, эвристическая ценность
и онтологическая сущность*

объема употребления слова постправда на ресурсах по данным сервиса FACTIVA. Такое распределение по языкам в целом соответствует общим пропорциям ресурсов на этих языках в генеральной совокупности текстов, что свидетельствует о более-менее равном проникновении постправды в глобальном информационном дискурсе.

Такая ситуация может повлечь за собой существенные последствия для журналистской деятельности, где правда является краеугольным камнем. Немецкий философ и апологет рациональности Юрген Хабермас подчеркивал, что «демократия без истины уже не может быть демократией» (Habermas, 2006, с. 18). В эпоху вирусного распространения лжи остается ряд социальных институтов, которые можно назвать «последними бастионами» правды, где вопреки правилам политики «истина и правдивость всегда оставались высшим мериллом для оценки речей и усилий» (Арендт, 2014, с. 384). Это пространство честной науки, систематически направленной на поиск истины; судебная власть, процедуры которой нацелены на принятие справедливых решений; религиозные общины, для которых правда является абсолютом. Эти подсистемы общества увеличивают шансы истины восторжествовать в публичной сфере, даже если их нынешнее состояние кажется нам плачевным.

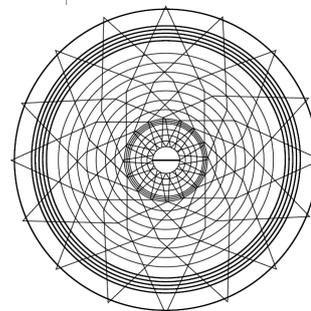
И наука, и религия, и судебная власть, и журналистика по природе своей не намерены капитулировать перед ложью. Но каждое употребление в научном или медийном дискурсе термина постправда в смысле новой информационной реальности, когда правда относительна и не важна, как раз является, на наш взгляд, шагом к капитуляции. А эта капитуляция будет означать системное смещение, аберрацию в глобальном информационном онлайн-пространстве, когда картина мира искажается сущностной подменой понятий и некорректным ее описанием.

Понятие постправда, обозначая сложные и неоднозначные процессы, даже если оно сопровождается негативными коннотациями, легитимизирует в общественном мнении и научном дискурсе положение вещей, онтологически невозможное в тех системах координат, где предполагается наличие абсолютов, в том числе и системе стандартов современной журналистики, подразумевающей различие истинного и ложного. Ратуя за критическое отношение к термину постправда, мы не пытаемся «отменить» негативные процессы в глобальном информационном пространстве. Мы предлагаем описывать их в других терминах — онтологически приемлемых, адекватных и эвристически ценных.

[Научные статьи]

Хруль В. М.

*«Постправда» в глобальном контексте:
популярность, эвристическая ценность
и онтологическая сущность*

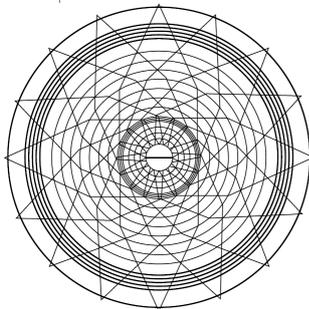

БЛАГОДАРНОСТЬ

Статья выполнена на факультете коммуникаций, медиа и дизайна Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в рамках научно-исследовательского проекта «Трансформация картины мира в глобальном информационном онлайн-пространстве под влиянием эпидемии COVID-19».

БИБЛИОГРАФИЯ

- Ball, J. (2017). Post-truth: How bullshit conquered the world. Biteback Publishing.
- Bystritskiy, A. (2020–2021). Universal Dead-end in a Global Wormhole. The Need to Regulate Modern Communications. *Baku Dialogues*, 4(2), 132–143.
https://bakudialogues.ada.edu.az/media/2020/12/16/final_bd_2020_-_5_no_bleeds.pdf
- Davies, N. (2009). *Flat Earth News: An Award-Winning Reporter Exposes Falsehood, Distortion and Propaganda in the Global Media*. Vintage.
- Davis, E. (2017). *Post-truth: Why we have reached peak bullshit and what we can do about it*. Little, Brown.
- d’Ancona, M. (2017). *Post-truth: The new war on truth and how to fight back*. Ebury Press.
- Farkas, J., & Schou, J. (2019). *Post-Truth, Fake News and Democracy: Mapping the Politics of Falsehood*. Routledge.
- Fuller, S. (2018). *Post-truth: Knowledge as a power game*. Anthem Press.
- Habermas, J. (2006). Religion in the public sphere. *European Journal of Philosophy*, 14(1), 1–25.
<https://doi.org/10.1111/j.1468-0378.2006.00241.x>
- Kachkaeva, A., Kolchina, A., Shomova, S., & Yarovaya, E. (2020). Trust, but verify: problems of formation of media literacy and critical thinking of Russian students, *Media Practice and Education*, 21(3), 200–211.
<https://doi.org/10.1080/25741136.2020.1752569>
- Kakutani, M. (2018). *The death of truth: Notes on falsehood in the age of Trump*. Tim Duggans Books.
- Keyes, R. (2004). *The Post-Truth Era: Dishonesty and Deception in Contemporary Life*. St. Martin's Press.
- Lakoff, R. (2017). The hollow man: Donald Trump, populism, and post-truth politics. *Journal of Language & Politics*, 16(4), 595–606.

[Научные статьи]

Хруль В. М.

*«Постправда» в глобальном контексте:
популярность, эвристическая ценность
и онтологическая сущность*

<https://doi.org/10.1075/jlp.17022.lak>

McIntyre, L. (2018). Post-truth. MIT Press.

McNair, B. (2018). Fake news: Falsehood, fabrication and fantasy in journalism. Routledge.

Tesich, S. (1992/2014). A government of lies. The Free Library.

<https://www.thefreelibrary.com/A+government+of+lies.-a011665982>

Thurston, I. (2018). Everything is permitted, restrictions still apply: A psychoanalytic perspective on social dislocation, narcissism, and post truth. Routledge.

Арендт, Х. (2014). Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли (Д. Аринсон, пер.). Изд-во Института Гайдара.

Захаренко, Е. Н., Комарова, Л. Н., и Нечаева, И. В. (2008). Новый словарь иностранных слов: свыше 25000 слов и словосочетаний. Азбуковник.

Ильченко, С. (2019). Как нас обманывают СМИ. Манипуляция информацией. Питер.

Мовчан, А. (2019а). Россия в эпоху постправды. Здравый смысл против информационного шума. Альпина Паблишер.

Мовчан, А. (2019b, 31 мая). Андрей Мовчан о постправде. Альпина-книги.

<https://alpinabook.ru/blog/andrey-movchan-o-postpravde/>

Ожегов, С. И., и Шведова, Н. Ю. (1997). Толковый словарь русского языка (4-е изд.). Российская академия наук. Институт русского языка имени В. В. Виноградова. Азбуковник.

Попова, О. В. (ред.). (2017). Политика постправды в современном мире. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием «Политика постправды и популизм в современном мире». Скифия-принт.

<https://rapn.ru/library.php?d=761&n=35&p=0>

Хомский, Н. (2015). Создавая будущее. Оккупации, вторжения, имперское мышление и стабильность. Альпина нон-фикшн.

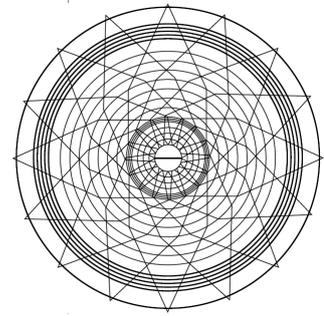
Чугров, С. В. (2017). Post-truth: трансформация политической реальности или саморазрушение либеральной демократии? Полис. Политические исследования, (2), 42–59.

<https://doi.org/10.17976/jpps/2017.02.04>

[Научные статьи]

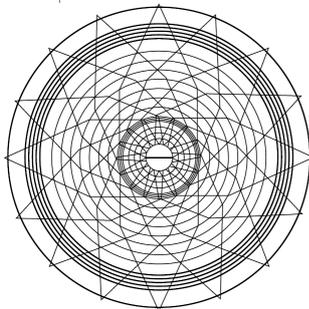
Хруль В. М.

*«Постправда» в глобальном контексте:
популярность, эвристическая ценность
и онтологическая сущность*

Шариков, А. В. (2021). Глобальное информационное онлайн-пространство в 2020 году: динамические характеристики. Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены, (2), 445–463.

<https://cyberleninka.ru/article/n/globalnoe-informatsionnoe-onlayn-prostranstvo-v-2020-g-dinamicheskie-harakteristiki>

[Научные статьи]

Хруль В. М.

*«Постправда» в глобальном контексте:
популярность, эвристическая ценность
и онтологическая сущность*

"POST-TRUTH" IN A GLOBAL CONTEXT: POPULARITY, HEURISTIC VALUE AND ONTOLOGICAL ESSENCE

Khroul V. M.

Doctor of Philosophy, Professor at the National
Research University Higher School of Economics
(Moscow, Russia)
victor.khroul@gmail.com

Abstract:

The author calls for a critical analysis of the term “post-truth” and for avoiding it both in academic discourse and in journalistic publications, since this lexeme contains not only a logical, but also an ontological error, which surprisingly remains uncorrected. The word “post-truth” denotes a fundamentally important essential substitution: truth loses its absolute status and is placed on a par with things temporary, limited, conventional as post-communism, post-totalitarianism, postmodernism, post-secularism, etc. Truth as a relativistic reality, blurring the boundaries between truth and falsehood are positioned as stages of historical process: there was one truth, but now there are many and different. Author suggests that the acceptance of this situation can entail disastrous consequences both for the journalism itself and for media studies.

Keywords: post-truth, truth, journalism, media research, terminological correctness

AKNOWLEDGEMENT

The article prepared at the Faculty of Communications, Media and Design of the National Research University Higher School of Economics within the framework of the research project "Transformation of the worldview in the global online information space under the influence of the COVID-19 pandemic".

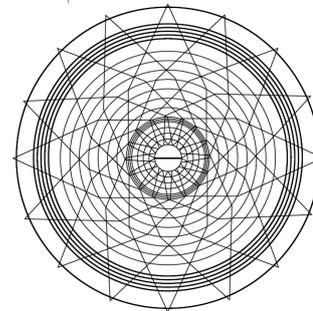
REFERENCES

- Arendt, Kh. (2014). *Mezhdru proshlym i budushchim. Vosem' uprazhneniy v politicheskoy mysli* (D. Arinson, Trans.). Izd-vo Instituta Gaydara.
- Ball, J. (2017). *Post-truth: How bullshit conquered the world*. Biteback Publishing.
- Bystritskiy, A. (2020–2021). *Universal Dead-end in a Global Wormhole. The Need to Regulate Modern Communications*. *Baku Dialogues*, 4(2), 132–143.

[Научные статьи]

Хруль В. М.

*«Постправда» в глобальном контексте:
популярность, эвристическая ценность
и онтологическая сущность*

https://bakudialogues.ada.edu.az/media/2020/12/16/final_bd_2020_-_5_no_bleeds.pdf

Chugrov, S. V. (2017). Post-truth: transformatsiya politicheskoy real'nosti ili samorazrushenie liberal'noy demokratii? Polis. Politicheskie issledovaniya, (2), 42–59.
<https://doi.org/10.17976/jpps/2017.02.04>

Davies, N. (2009). Flat Earth News: An Award-Winning Reporter Exposes Falsehood, Distortion and Propaganda in the Global Media. Vintage.

Davis, E. (2017). Post-truth: Why we have reached peak bullshit and what we can do about it. Little, Brown.

d'Ancona, M. (2017). Post-truth: The new war on truth and how to fight back. Ebury Press.

Farkas, J., & Schou, J. (2019). Post-Truth, Fake News and Democracy: Mapping the Politics of Falsehood. Routledge.

Fuller, S. (2018). Post-truth: Knowledge as a power game. Anthem Press.

Habermas, J. (2006). Religion in the public sphere. European Journal of Philosophy, 14(1), 1–25.
<https://doi.org/10.1111/j.1468-0378.2006.00241.x>

Il'chenko, S. (2019). Kak nas obmanyvayut SMI. Manipulyatsiya informatsiyey. Piter.

Kachkaeva, A., Kolchina, A., Shomova, S., & Yarovaya, E. (2020). Trust, but verify: problems of formation of media literacy and critical thinking of Russian students, Media Practice and Education, 21(3), 200–211.
<https://doi.org/10.1080/25741136.2020.1752569>

Kakutani, M. (2018). The death of truth: Notes on falsehood in the age of Trump. Tim Duggans Books.

Keyes, R. (2004). The Post-Truth Era: Dishonesty and Deception in Contemporary Life. St. Martin's Press.

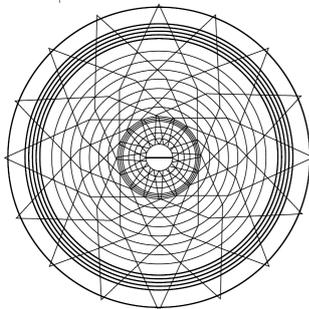
Khomskiy, N. (2015). Sozdavaya budushchee. Okkupatsii, vtorzheniya, imperskoe myshlenie i stabil'nost'. Al'pina non-fikshn.

Lakoff, R. (2017). The hollow man: Donald Trump, populism, and post-truth politics. Journal of Language & Politics, 16(4), 595–606.
<https://doi.org/10.1075/jlp.17022.lak>

McIntyre, L. (2018). Post-truth. MIT Press.

McNair, B. (2018). Fake news: Falsehood, fabrication and fantasy in journalism. Routledge.

Movchan, A. (2019a). Rossiya v epokhu postpravdy. Zdravyi smysl protiv informatsionnogo shuma. Al'pina Pablisher.

[Научные статьи]

Хруль В. М.

*«Постправда» в глобальном контексте:
популярность, эвристическая ценность
и онтологическая сущность*

Movchan, A. (2019b, May 31). Andrey Movchan o postpravde. Al'pina-knigi.

<https://alpinabook.ru/blog/andrey-movchan-o-postpravde/>

Ozhegov, S. I., & Shvedova, N. Yu. (1997). Tolkovyy slovar' russkogo yazyka (4th ed.). Rossiyskaya akademiya nauk. Institut russkogo yazyka imeni V. V. Vinogradova. Azbukovnik.

Popova, O. V. (Ed.). (2017). Politika postpravdy v sovremennom mire. Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem «Politika postpravdy i populizm v sovremennom mire». Skifiya-print.

<https://rapn.ru/library.php?d=761&n=35&p=0>

Sharikov, A. V. (2021). Global'noe informatsionnoe onlayn-prostranstvo v 2020 godu: dinamicheskie kharakteristiki. Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny, (2), 445–463.

<https://cyberleninka.ru/article/n/globalnoe-informatsionnoe-onlayn-prostranstvo-v-2020-g-dinamicheskie-harakteristiki>

Tesich, S. (1992/2014). A government of lies. The Free Library.

<https://www.thefreelibrary.com/A+government+of+lies.-a011665982>

Thurston, I. (2018). Everything is permitted, restrictions still apply: A psychoanalytic perspective on social dislocation, narcissism, and post truth. Routledge.

Zakharenko, E. N., Komarova, L. N., & Nechaeva, I. V. (2008). Novyy slovar' inostrannykh slov: svyshe 25000 slov i slovosochetaniy. Azbukovnik.